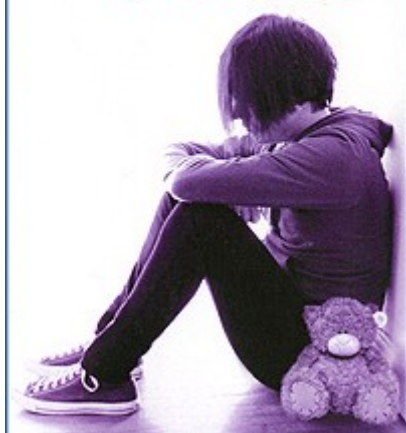

ЮЛЯ ЛЕМЕШ

УБИТЬ ЭМО

Юля Лемеш Убить эмо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178797
Убить эмо / Ю. Лемеш: АСТ; СПб.: Астрель-СПб; М.: СПб; 2008
ISBN 5-17-045638-3 978-5-9725-1382-6

Аннотация

Книга Юли Лемеш – прозрачно-искренняя исповедь, частично опубликованная в ее блоге. История современных Ромео и Джульетты, осложненная социальным конфликтом и совершенно не детскими проблемами. Здесь только реальные факты из эмо-жизни, а также реальные персонажи, реальная любовь и не менее реальное, абсолютно тотальное непонимание окружающих.

Юля Лемеш

Убить эмо

Автор выражает огромную благодарность Ане Амасовой и Ксюше Рысь за деятельную помощь в создании книги.

Чудные, с восхитительными шнурками, упоительно новые кеды. В которых ногам комфортно, вопреки опасениям. Предыдущие были сущим мучением.

Подошва ломает хрупкую корочку льда.

Я иду, наслаждаясь впечатлениями от просмотренного вчера фильма.

Я полностью открыта миру, и не хватает только одного штриха для полной идиллии.

Я начинаю мечтать о настоящей любви. Которую скоро встречу. Быть может, сегодня?

По телевизору психолог поведала, что наша жизнь на девяносто процентов состоит из эмоций. Это она правильно сказала.

Заметно подержанная серая «девятка» окатывает меня грязью из огромной стильной лужи. На черной поверхности обуви появляются отвратительные пятна.

– Куда прешь, убогая, – старухина тележка смачно завершает боевое крещение моей свежескупленной обуви.

– Карга старая! – в старухином стиле и с ее же интонациями ругаюсь я, понимая бессмысленность своей реплики.

С такими прожженными бабками ругаться, что рыбу в унитазах ловить. Вонь много, а результата никакого.

Вода из лужи плюс старухина боевая колесница равно грязная обувь.

Эффект искусственного старения за минуту.

Эффект испорченного настроения за то же время.

По опыту зная, что не имеет смысла оттирать свежую грязь, которая наполовину с солью, шлепаю дальше, ловя неодобрительные взгляды. Ничего, когда пятна высохнут, отчищу их щеткой. А пока буду замарашкой. Пускай косятся чистоплюи, случайно не обгаженные машинами.

На мне замечательные мышинового цвета бесформенные джинсы из плотной тяжелой ткани. В меру украшенные двумя продуманными прорезами, один задний карман, ранее выданный, наживлен толстыми белыми нитками. На втором – вышитое кривоватое сердечко, естественно – разорванное пополам. Теперь мне кажется, что сердечко на заднице не лучший вариант. Как только доберусь домой, все снова переделаю. Да и с прорезами как-то неудачно вышло. Штаны с проветриванием в непогоду здорово осложняют жизнь. Вельвет не только гораздо теплее, но и всегда выглядит поношенным. Буду переходить на вельвет. Там для каждой блошки своя беговая дорожка. Шутка.

Ремень кожаный, почти обычный, если не считать трех маленьких хромированных ангелов, у одного из которых отсутствует одно крыло. Я сама не знаю, куда оно подевалось. Но мне нравится обладание ангелом-инвалидом.

Гардероб завершает облегающая трикотажная кофта с треугольным вырезом. Кофта полосатая, черно-розово-серая со смешливым медвежонком на рукаве. Медвежонок смешной, у него есть бантик, и он забавно схватился лапами за ушастую голову. На мульке с надписью BZY-BZY какой-то умный человек нарисовал девчонку, невероятно похожую на меня, с торчащими в разные стороны хвостиками. Ведь я так и не решилась изменить прическу на традиционно эмовскую. Особенно после того как заметила, что черные прямые волосы с длинной челкой входят в моду вопреки общепринятой ненависти к эмо.

Не хочу быть клоном.

Не хочу быть клоуном.

Не желаю быть папуасом, который выпендривается перед соплеменниками порчей шкуры. Не хочу смахивать на сборщика металлолома. Со временем моя кожа попортится и без степлера.

Но признаю, что типичная эмо – призыв не жить стереотипами.

Эмо настойчивы в стремлении нарушать установленные правила. Когда в культуре эмо появляются правила, они их настойчиво нарушают.

Если придерживаться фактов, в последнее время именно этим эмо и заняты.

Как вам вопросик «я живу в..., подскажите, что надо (!) носить тру-эмо?». Перелом головного мозга с полной кристаллизацией извилин.

Ответ правильный – оригинальную черно-розовую униформу. Бритовкой чик по челке – и все в шоке. А если еще фейс металлический – то воообще блин на фиг. Нормально, да?

Какая тварь тиражирует эмо-стиль? Впору печатать глянцевый эмо-журнал. И без него все эмо ушли в фото. Сидят в галереях и таращатся друг на дружку, будто больше делать нечего.

Теперь какие-то умники призывают: «Будь собой, но непременно поройся в бабушкино-дедовом гардеробе и пограбь старичков на предмет шмотья». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Внушки-налетчики хотят быть на тебя похожими. А тележку садоводческую прихватить не слабо? А что? Сплошная крутизна и оригинальность – шестнадцатилетняя крашеная старуха в окулярах ломится по автобусу, эмоционально оттапывая всем ноги.

Чисто по-эмовски!

Завтра главным эмо-стилем станет бомж на привале. Или патологоанатом после вскрытия. Чтоб непременно носили белый халат, высокохудожественно украшенный засохшими фекалиями и запекшейся кровью. И кость тазобедренную на шею.

Будь собой, но оглянись на модные тенденции этого сезона.

* * *

А я так и живу со своими рыжими волосами, иногда завязывая их в смешные хвостики.

Хотя, если кому интересно, в самом начале, когда я только узнала про эмо, тоже попыталась покраситься. Забыв предварительно посоветоваться с сообществом. Хотя, что с ними советоваться. Они тогда сами ничего не знали. А теперь если и знают, не скажут. Элита, блин.

История в стиле Хичкока, великого и ужасного.

Я тогда решила произвести акцию по смене цвета волос не просто так, а со значением. Что-то типа посвящения в особый таинственный клан. Мне захотелось небольшого чуда. Для которого стоило пожертвовать мелкими неудобствами, навряд ли запрета постоянно подглядывать в зеркало на рождающееся перевоплощение. Типа, только что была я, а потом смотришься в зеркало – бац, а там абсолютно незнакомый человек. Желательно – самый что ни на есть настоящий шедевр в стиле тру-эмо. Примерно так.

Все манипуляции, указанные в инструкции, были неукоснительно выполнены, а потом настал черед фена. Когда волосы были высушены, настала пора насладиться в полной мере произведенным эффектом. Ноги сами понесли меня к зеркалу. С закрытыми глазами, стучась обо все на свете и чертыхаясь, добрела на ощупь до зеркала и с замиранием сердца решила глянуть на себя красивую.

На меня таращилась скорбная полумертвая старуха.

Теперь я в курсе, как можно постареть на сто лет за час.

Рыжие! Не становитесь брюнетками! Брюнеток и без вас хватает, и они очень неплохо смотрятся. Думаю, не ошибусь, если то же самое скажу про блондинок.

Неудача не помешала мне поместить свою историю с преображением в интернете и притачить фотку. Народ заценил «до» и «после». Тридцать два комментария. И только два сочувственных. Восемь состряпано какой-то «Дочечкой», которая не иначе сидела в психушке, где добралась до Интернета. Такого бессмысленного мата мне читать не приходилось. Лечись, Дочечка, и не таких вылечивали.

Надеюсь, моя акция по смене масти спасла кого-то от ошибки. А мне пришлось с помощью парикмахера возвращать природный цвет волос. Денег содрали немерено, а результат так себе, но на улицу выходить можно. Если шапку не снимать. Хорошо, что тогда зимние каникулы были, а то в классе народ со стульев попадал бы. Папа сказал: «Волосы не ноги, вырастут».

Люблю прикольные воспоминания. Они скрадывают мрачность тоскливых будней. Кто-то сказал, что самый гениальный человек придумает способ консервировать воспоминания. Сегодняшнее утро не стоило закатывать в банку. Таких походов от дома до школы у меня миллион, и они словно отвратительные близнецы. Ничего увлекательного.

Поверх любимой кофты с медвежонком накинут самый банальный короткий черный пуховик, надежно защищающий меня от холода. Пуховик и кеды – это что-то! Это караул. Хорошо что теперь зима не холоднее осени.

На холщовой сумке прицеплены значки. На одном написано: «Не хочу!» На другом солнце, у которого есть улыбающаяся рожица. Значок нехотения придется выбросить. Народ слишком часто интересуется, чего именно мне не хочется. Рядом приколоты значки советского производства. Сова, Карлсон, кораблик с цепочкой и якорем, мотоциклы разных моделей, октябрятский, где мордатенький юный Ленин внутри звездочки, и «Ударник коммунистического труда». За последним охотятся учителя. Они считают, что я не имею права его носить. Потому и ношу.

Мимо тащатся согбенные жизнью разнокалиберные дети. Придавленные неподъемными баулами на спинах. В которых затаились килограммовые учебники и наверняка хоть одна вытекшая ручка, которая успела измазать пастой старательно выполненные домашние задания. Дети искоса поглядывают на меня снизу вверх. Кто с любопытством, кто с завистью. Им кажется, что старшеклассникам позволено гораздо больше. Они мечтают вырасти, и вот тогда мир будет полон чудесных открытий, про которые пока приходится только шутиться тайком.

Глупые маленькие мечтатели. Прекрасные своей наивностью. У некоторых девочек волосы заколоты крохотными заколками с розовыми сердечками. Которые прибавляют им смелости отважно пискнуть мне: «Здрасьте!» Вот оно – бремя славы, чтоб она провалилась.

Мне их нестерпимо жаль. Я им немного завидую. Но к жалости примешивается чувство радости – для меня окончание школы не за горами. «Школьные годы чудесные» – неужели автор этих сомнительных дифирамбов действительно верил в то, про что говорил? Что за невыносимо мрачная жизнь настала у него после окончания школы. Страшно подумать.

Быть эмо – значит быть собой. А для этого надо понимать, что ты собой представляешь. Кто может похвастаться этим пониманием в подростковом возрасте? Только не я.

Под деревом на асфальте умная крупная ворона долбит клювом упаковку из-под клубничного йогурта. За неимением лучшего объекта, я начинаю размышлять о птице, не обремененной ежедневными обязанностями. Она-то имеет право быть собой, и никто ее за это не упрекнет. Вот только если бы чуть-чуть подкорректировать ее цветовую гамму. Представляете, стадо ворон, слегка окрашенных розовым? Думаю, воронам такое надругательство вряд ли придется по вкусу. Но кто их спрашивает? Меня же никто не удосужился спросить, чего я на самом деле хочу?

* * *

Вчера прочитала в интернете:
Сидела девочка на трубе и мечтала умереть, И тут БАБАХ кости, кишки, кровь кругом
– Мечты сбываются – «Газпром»!
Срочно вдохновилась и накропала стих собственного сочинения:

Тощенький эмо рыбку ловил,
Тихо подкрался к нему крокодил,
Долго страдал крокодил-старичок:
В жопе застрял эмо-значок.

Если честно, идею сперла. У меня с рифмами как-то не очень складывается, а переделывать из чужого – это я запросто могу.

Так и подмывало сочинить что-нибудь про «Дочечку».
Например: «Дочечка» в детстве милой была, жаль, что тогда она не померла.

* * *

Иногда мне нравятся мальчишки, похожие на гангстеров. Да здравствуют мафиози американо-итальянского розлива! Почему у нас до сих пор не модно выглядеть как киношный гангстер? Если кто-то смахивает на мафиози, говорят, что он похож на сутенера. Вовсе не похож. Знать бы еще, как выглядят эти самые сутенеры. Ну уж точно не как итальянские гангстеры в американских фильмах.

* * *

Привет. Как дела и все такое? Тоже хреново? Ав школе? Ха! И у меня то же самое. Сплошная никчемная тягомотина вперемешку с нотациями. Хотя, что еще ждать от подобного учреждения? Меня сто раз могли выкинуть оттуда. Честное слово. Ну, может, не сто, а три. Или четыре, точно не помню. Было бы неплохо стать вольной птицей типа вороны, но не выгоняют. Думают, что оказывают мне одолжение.

Если бы моя мама не работала за копейки в школьной библиотеке, скорбно изображая королеву в изгнании, а родная тетка не была директрисой, изображая царствующую королеву... Ладно. Что уж теперь поделать, раз они такие все сплошь коронованные. Не пресмыкаться же, на самом деле. Кроме того, я бываю необходима школе. Я умею делать классные стенгазеты. Не в том смысле, что для класса, а просто они всегда занимают первые места на каких-то дебильных стенгазетных соревнованиях.

Я рисую, если кто еще не понял. Так что вместо уроков я часто сижу дома и стряпаю очередной шедевр для состязаний педагогической инквизиции. Пускай пыжятся друг перед другом. Мне не жалко.

А по ночам я рисую для себя. И пускай мои комиксы смахивают на японские мультики. Зато я могу сама придумывать всякие разные истории. У меня их целая куча.

Была.

А потом мама, пока меня не было, вскрыла обшивку дивана, и я ее застукала за просмотром того, что считала самой большой тайной. Рисунки – они как дневник. Дневник –

личное! Если человек что-то прячет, значит, ему так нужно и не фиг лезть рылом куда не просили.

А она вывалила альбомы на середину комнаты и рассматривала их, вибрируя от еле сдерживаемого негодования. Так ученый вытаращится в микроскоп, обнаружив там самую опасную саблезубую блоху в черном парике с розовой прядью. К слову сказать, для блохи такая встреча тоже не подарок, но кому интересно блошиное мнение?

Кстати, в рисунках ничего такого не было. Просто сюжеты. Всякие приключения, которых в реальной жизни хоть завались.

– Тебя надо показать психиатру, – липким, осуждающим голосом постановила мама.

– Скорее – отдать в художественную школу, – заспорил папа, который тоже пришел посмотреть, чем я так громко возмущаюсь.

– Ты находишь эти каракули забавными? Еще бы. Если человек остановился в развитии на уровне детсада, то чего от него можно ожидать? Если кто-то это увидит, то над нами все станут смеяться. Полюбуйся, – она стала тыкать в папу комиксом про то, как меня бросил парень.

То есть не меня, а нарисованную девочку. По-настоящему, все было не так. Он меня не бросил. Он просто сказал, что я его разочаровала и лучше нам больше не встречаться. Мы тогда почти час впустую перетирали взаимные обиды, накопившиеся за три месяца.

Расставанию предшествовала пора замуреного вранья. Сначала он стал реже со мной встречаться. Потом стал все время такой занятый. Короче, врал какую-то фигню.

А я думала, что у нас настоящие чувства. Он и сам поначалу так говорил. Ласковый такой и придуривался прикольно. Мне казалось, что у нас много общего. Ведь он так убедительно прикидывался эмо. Даже отощал сверх меры. Ему кто-то сказал, что все эмо – дистрофики. Он и рад стараться.

Только потом выяснилось, что он – просто хитрая лицемерная устрица. У которой только одно на уме. А я, дура, так переживала за его предыдущие неудачи с девушками. По его словам получалась, что он – просто ангел в кедах, а они – злые коварные твари.

А потом до него доперло, что со мной ловить нечего, и неуклюже свалил рассказывать новой жертве про меня, типа, какая я тварь.

Но про это я рисовать не буду. Как можно нарисовать такую сложную картинку, как одиночество вследствие отказа от секса?

Хотя в итоге получилось как в комиксе. Ему на этот раз повезло, и он нашел себе другую, поговорчивее. Она носит соску и красит обгрызенные ногти в черный цвет. Шастают по тусовкам разряженные под эмо. За ручки держатся. Она смотрит на него снизу вверх, зная, что так ее глаза смотрятся как у трехлетнего ребенка при взгляде на взрослых.

Надо будет при случае вернуть ему восемь значков, которые он мне подарил. Я надеюсь, что он в ответ вернет очки, спертые мной у бабушки. Он их носит не снимая. Конечно, – настоящая роговая оправа на дороге не валяется. Не то что глупые доверчивые девочки, от которых можно запросто отказаться.

Первое предательство отучило меня доверять первому впечатлению. И второму тоже. Короче, я стала крайне недоверчивая. Как проверить, что на душе у человека? Некоторые врут так убедительно! «Оскар» им за игру. По голове. Вот аферисты, примазаться хотят. Будто эмо медом намазаны.

* * *

Пока мама копалась в моих рисунках, чтоб найти «гадость», я думала на отвлеченные темы. У меня есть друг, Танго, он дружит с Сурикатом. Который раньше был панком, а потом попытался трансформироваться в эмо.

Такая фигня нездоровая из этой затеи получилась!

Сурикат все доводит до крайности. Представьте себе панкеристого эмо, который из собственных эмоций сделал культ, а из прически веер папуаса, недавленного слоном. Танго тогда признал, что Суриката надо было убить в детстве, чтоб не засирал всем мозги. Сурикат, который не оставил ни одной привычки из прежней жизни, пытаясь следовать останкам своих эмоций, превратился в целенаправленного хама. Видит, к примеру, муху на кашке и обрадовано орет: «Приятного аппетита, сука!» Почему, спрашивается, сука? Быть может, даже наоборот. Кроме того, мухе от его радости ни холодно ни жарко.

Или вот раз сама видела, Суриката облаяли в очереди. Мужик какой-то. Он этому мужику не то на ногу наступил, или нечаянно в карман плюнул. За что был обозван по-всякому. Раньше бы Сурикат не расстраивался. Его часто облаивали. И он в долгу не оставался. А теперь подумал, прочувствовал и вдруг как зарыдает! Нет, правда, натурально зарыдал. Мужик подумал немного и свалил от припадочного подальше. А тетки, что посострадательнее, дали Сурикату кто яблочко, кто конфетку-карамельку. Он взял.

От Суриката даже знакомые панки шарахались, а это я вам скажу – невероятное достижение. Как учует, что на него внимания не обращают, такие концерты закатывает. Бросается, как кобра. Его сто раз в ментовку загребали. Такая активная личность. Однажды он затосковал в вагоне метро, ему места сидячего не досталось. А тут прямо перед ним бабульки древние громко обсуждали преимущества страховки. Знаете, что он сделал?

Он им спел.

Не торопись-пись-пись,
Приободришь-дрись-дрись,
Мы застрахуем-...ем, —
...ем Вашу жизнь.

– Он махровый эгоист, – утверждал Танго. – Он просто чертов долбанный эгоист. Давай сагитируем его пойти в музыканты? Пускай там самовыражается, подонки.

Теперь Сурикат делает вид, что пишет стихи для песен. Типа «приободришь». А в перерывах задалбывает несчастных друзей их декламацией. И еще он постоянно женится на ком-то. И еще – его систематически бьют. По-честному – правильно делают. Потому что делать из эмоций культ – тупо. Ими надо просто жить.

Как и у всякого живого существа, у Суриката есть и положительные черты. Сурикат никогда вас не предаст. Нервы вымотает, но в трудную минуту окажется рядом. И тогда вы поймете, что такое по-настоящему трудная минута. И убьете Суриката из сострадания.

* * *

Моя первая реальная встреча со смертью сопровождалась пронзительным щенячьим визгом и глянцевыми вывалившимися из лопнувшего пушистого пузика кишками. Которые попали на мои туфли. Это давно случилось, лет десять назад.

С той поры я очень осторожна на улице. Я смертельно боюсь попасть под машину и расплескаться кому-то под ноги.

Когда водитель грузовика специально заехал на тротуар, чтоб задавить мою собаку, я долго не могла говорить. Голос сорвала или что другое приключилось – не знаю. Какие, на хрен, эмоции, если тело в ступоре, а в голове пустота? Даже слез не было.

Но когда меня бросил тот озабоченный хипушник, я была просто вне себя. Я совершенно не могла понять, почему некоторые не могут быть искренними с первой минуты зна-

комства. На кой фиг срать в душу? Сказал бы по-честному: «Хочу потрахаться», – и все дела. Точнее, никаких общих дел. Думаю, среди мальчишек-эмо таких перевертышей предостаточно. Только и слышу от подруг про разбитые сердца. Мы друг друга понимаем. Кто хоть один раз пережил такое, всегда поймет собрата по несчастью. А спустя некоторое время сообразит, что как раз все наоборот. Я хочу сказать, что иногда думаешь – трагедия века, а выясняется, что именно ее ты только что избежал. Любовь ушла, завяли помидоры, ботинки жмут, и нам не по пути. Примерно что-то в этом роде. Причем во второй раз уже никто не страдает, а либо злится, либо пофигически шлепает дальше.

Знаете, что самое прикольное? Взрослые искренне уверены, что в нашем возрасте все трагедии надуманные и нечего убиваться после расставаний. А сами попадают в психушку, когда их горячо любимые супруги заявляют: «Я нашел другую, помоложе. Я не люблю тебя!» Большинство брошенных теток – псевдоэмо. Те, которые до конца дней не прощают. Но правильнее не киснуть и искать новую любовь. Неважно к кому или чему. Поиск лучше пустоты.

Главное, понять, что отчаяние – не единственная эмоция. Есть и покруче. Если кого-то свалила затяжная депрессия или показалось, что жить незачем – смело ищите Суриката. Через минут пятнадцать хандру как рукой снимет. Главное, не убивайте его. Он еще пригодится.

* * *

Эта «Дочечка» просто не выходит у меня из головы. Блин, не Дочечка, а кислотная муза поэзии.

Сидит Дочечка на крыше, морщит очень длинный нос,
А кому какое дело, что у ней опять понос.

Словесный или унитазный. Я не понимаю какого рожна ей, этой Дочечке, надо?

* * *

– Я пошел ужинать, – папе надоело смотреть на мамины гримасы и мое несчастное лицо.

– Нет, ты останешься. Вечно ты увливаешь от воспитания! Посмотри, она даже не соизволит реагировать на мои замечания.

Честно? Может, я не в состоянии больше минуты сосредоточенно выслушивать обидные слова. Вот мечтать могу сколько душе угодно.

Что за жизнь? То тебя поучают, то не любят, то бросают, то воспитывают, то кому-то потрахаться приспичило. И вообще, может, у меня проблемы с концентрацией. Я пока не хочу секса. Но про это я рисовать не собираюсь.

По привычке усевшись на пол рядом с окном, я снизу вверх наблюдала за родителями. Мама скорчила рожу, которая означала «фу, какая мерзость». Потом рожа трансформировалась в привычное «нельзя». Как она обожает это слово!

Вот ведь незадача. Если бы папин сперматозоид не прицепился к маминой яйцеклетке, то меня бы не было. Если бы эта историческая встреча случилась в другой день, то была бы не я. Быть не собой мне показалось до обидного глупо. Наверное, я вполне могла бы родиться мальчиком, или долговязой, как отец, или толстой, как мама. Хотя папа был тощим

и высоким всегда, чего не скажешь в отношении мамы. Судя по фотографиям, она не всегда весила как все наше семейство вместе взятое.

Танго как-то сказал, что, когда ему хреново, он начинает жрать все, что можно перева- рить. Наверное, маме хреново хронически. Она, типа, хроническая хреновина. Муж отлич- ный, двое детей, из которых один явно любимый, работа непыльная, есть от чего поплохеть, бедняжке.

Листы бумаги, соскользнув с дивана, с шумом падают на пол. Сверху – история про Суриката, который однажды прикидывался геем. Та еще история. Вот Сурикат переодева- ется, красится и напяливает парик, вот он спешит в гей-клуб, вот выясняется, что пришел он не туда. Точнее, туда, но во время ремонта. Вот маляры гонятся за ним с валиками для краски.

Про то, как мы с Танго оттирали Суриката уайт-спиритом, рисунков нет. Особенно запомнилось, как этот идиот возжелал перекурить и чуть не сотворил акт самосожжения. Кстати, когда я поставила на плиту чайник, то от соприкосновения огня и воздуха, пропи- танного парами растворителя, возникла такая ядовитая вонь, что мы чуть не переблевались. Но про это я рисовать тоже не стала.

Рисунки были почти детские по содержанию.

Папа это сразу просек. Он пытался быть объективным.

– А, по-моему, очень даже ничего. Только почему у них всех головы больше чем надо? И глаза такие непомерные?

Вот уж враки. У Суриката голова маленькая.

– Ты на прически погляди, – все больше заводилась мама, собирая альбомы. – Какие тут глаза. Одни циклопы одноглазые. Фу, гадость какая.

Признаюсь, я немного оскорбилась. Вовсе не гадость! Не Боттичелли, конечно. Но почему обязательно всем сразу стать классиками живописи? Для начинающего вполне пока- тит. Кроме того, у меня есть собственный стиль. Своя манера рисовать. Я над ней столько работала, а тут обзываются всякие дилетанты.

– Если бы я знала, к чему приведет твоё увлечение рисованием, то обломала бы руки.

– А кто хвалился перед подругами, что дочка жить не мешает? Что сидит себе тихо в уголочке и каракули малюет?

– Ты как смеешь в таком тоне с матерью разговаривать?

В детстве у меня много чего было, особенно альбомов и цветных карандашей. Их мне дарили по любому поводу и без повода. Лишь бы под ногами не путалась и не мешала жить своими постоянными «почему?».

Рисунки мама спалила. Поздней зимней ночью.

Опасалась, как бы я кому-нибудь не показала.

Срочно накинув на плечи свое кошмарное стеганое пальто, больше похожее на халат бедного узбека, мама мелкими перебежками потрусилась на помойку. Не желая пропустить акт вандализма, я направилась следом, посмотреть, что будет дальше.

Маме приходилось рвать альбомы на листы и мять их. А то они никак не хотели гореть.

– Какой урод изготавливает такие поганые спички, – тихо причитала мама над полупу- стым коробком. – У тебя зажигалки нет?

– Не курю, – я подошла поближе разглядеть, как исчезает результат моего труда.

Костер разгорелся классный. Вокруг него в воздухе летали черные невесомые клочья бумаги. Под светом луны они напоминали стаю нервных летучих мышей. Тонкий слой снега сразу из белого превратился в грязный. Помойка воняла, как и положено помойке. Когда пламя вспыхнуло, я увидела пробегающую мимо маленькую заблудившуюся мышь. Она прыгала словно воробей, а когда замерла на месте, обернула вокруг круглого тельца свой

тонкий лысый хвостик. Не у кого было спросить, почему она так поступает. Не то себя согревает, не то хвост боится обморозить. Я протянула руку и потрогала животину.

– Прекрати! – немедленно закричала мама. – Кусит! Гепатита тебе только не хватало.

Мышь про гепатит ничего не знала. Она прохладными ножками проковыляла мне на руку и там принялась трястись.

Чтоб увернуться от маминого нападения, пришлось сделать пробежку вокруг помойки и отпустить мыша в мусор. Пускай покушает.

– Я думаю, не имеет смысла спрашивать разрешения забрать животное домой? – с надеждой поинтересовалась я.

– Ты меня в гроб вгонишь, – взбеленилась озябшая мама.

– Там еще пара крыс имеется, – из вредности чего не совершь, – здоровенные такие, с усами.

Мне захотелось что-нибудь поджечь для поднятия боевого духа. Например, город, планету, вселенную. А потом захотелось сунуть в огонь руку. Пусть она станет такой же искалеченной, как мои рисунки.

Нарисованные лица исказились под жадным пламенем, их глаза смотрели на меня с испугом и укоризной. Они умирали. Молча. А я стояла рядом и просто смотрела. Молча. Все что можно было сказать, было уже сказано раньше. А потом я развернулась и пошла домой. Ощущая, как на плечи навалилась огромная, как гора, тяжесть. Которая давила меня к земле, и мне показалось, что я снова могу перестать разговаривать. Догадка требовала проверки, и я громко сообщила миру, куда ему следует пойти.

Потом выяснилось, что мама чуть не подожгла помойку. Полдома посмотреть сбежалось. Кто с чем. Особо агрессивные – с охотничьими ружьями. А вы думали – с ведрами воды? Соседи увидели огонь и подумали, что снова кто-то машины палить начал. Орала всей толпой на затравленно озирающуюся маму. Жаль, я не видела. Меня бы это зрелище несколько утешило.

А мама на меня потом всех собак повесила. Мол, из-за тебя такой шум поднялся, теперь соседям на глаза показаться стыдно.

Я-то тут при чем?

* * *

Если кто не догадался, я – эмо уже полтора года, хотя, если быть точной, – я такой родилась.

Мама поначалу дико радовалась. Наряжала меня как принцессу. Которой запрещалось играть на улице, чтоб не испачкаться. Сюсюкалась, носочки белые, туфли лаковые, локоны завивала, покупала такие пышные платья с кружавчиками. «Какой обаятельный открытый ребенок!»

А потом ребенок чуть не свихнулся, когда машина сбила любимую собаку. Щенка. Его Чарликом звали. Такой черный, лохматый, ноги короткие, а на глазах челка. Ей-богу! Такая была обалденная челка, что глаз почти не видно.

Я долго ходила к нему на могилу с цветочками. Странное дело, мои друзья ходили со мной тоже. И все считали это несчастье страшным невосполнимым горем. И никому из родителей это не казалось странным.

Иногда мне кажется, что весь мир ополчился против меня.

Иногда это оказывается не так.

Но чаще он все-таки – против.

Потом много чего случилось. Но главное, о чем стоит упомянуть, я заметила, что родители постоянно прикидываются. У них тогда отношения разладились. А они посчитали нужным скрытничать. Лицемерили до посинения. При мне скрипят зубами друг на друга, правда, по-тихому. А на людях – как самые примерные супруги. Потом примирились. Теперь и не узнать, из-за чего они тогда разосрались. Но на меня эти игры сильно повлияли. Тогда я впервые поняла, что тихий обман хуже громкой ссоры. Плохо, когда изображают чувства, которых нет.

А потом я узнала от Танго про эмо-культуру. И сразу поняла – мое.

Некоторые считают, что быть эмо – значит быть узнаваемой. Когда-то жил такой классный философ Диоген. Если бы он жил как все, то кто бы догадался, что этот обычный дядька не просто так погулять вышел. А так народ говорил: «Вот идет Диоген, который живет в бочке». А чтоб отпали последние сомнения в его неординарности, он повсюду таскался с горящим фонарем, искал человека. Причем в зеркало смотреться не считал нужным – и так был уверен, что с ним-то все в порядке. Он тоже был эмо. Как иначе?

Быть может, нам взять с него пример? Зажечь фитилек в керосиновых лампах и отправиться на поиски настоящего человека? А в зеркало мы смотреться все-таки будем. Мы пока ни в чем не уверены. Кроме своих эмоций.

Потом мама решила, что у меня не все в порядке с мозгами, потому что я могла расплакаться от всякой мелкой несправедливости. Как-то даже разревелась, когда какой-то пьяный малолетний дебил обругал меня матом. Мат до сих пор на меня плохо действует. Или музыку какую услышу и реву. Или в кино так переживаю, что потом уснуть не могу.

У меня бабушка была тоже плаксивая, но это от старости. И ничего я на нее не похожа – она радоваться почти разучилась. Когда мне было мало лет, я ее страшно жалела.

– Бабушка старая, покажи зубы, – просила я ее по сто раз на дню.

И она беспрекословно разевала мягкий рот и показывала единственный зуб. Передний. Желтый. Длинный как монумент мамонтовому бивню. Потом я узнала, что она мне прабабушка, но от этого жалеть стала еще больше. Потом мне стало жаль себя, потому что я тоже когда-то стану страшным бородавчатым однозубом. А потом принялась жалеть свои зубы. И зря, кстати. Они отблагодарили меня страшной болью. С которой, по-моему, ничего не сравнится. Вот вырасту, повыдергаю их все на фиг. Буду носить самую лучшую вставную челюсть. Хотя от такой перспективы кому хочешь поплохееет.

Думаете, это эмо ни к чему? Бабушки там всякие и зубы. Черта с два. Я уверена, что у каждой из вас самые яркие впечатления младенчества связаны именно с бабушками. Каждой эмо – классную бабушку! Которая хоть и ворчит, но всегда пожалеет.

Именно бабушка подарила мне коробку разноцветного бисера, которым я расшила свои первые кеды. Только мы не учли, что бисер советского изготовления при встрече с дождем линяет как сволочь.

Мама к бабушке относилась как к неизбежной нагрузке. Примерно так относятся некоторые к дворовым паршивым собакам в будке. Кормят, поят и стараются пореже вспоминать об их существовании, ожидая освобождения бревенчатой жилплощади. А по телефону кудяхнут приятельницам о своей офигенной заботливости.

Мне кажется, если ее захватит гестапо, то она и под пытками примется изображать примерную гражданку. Я пробовала с ней поговорить начистоту. И что вы думаете? Ее больше всего волнует внешняя сторона вопроса. Выгляди как все, молчи почаще, не показывай виду, если тебе плохо, слушайся старших. То есть не отличайся от мамочки, но не смей быть лучше. А главное-не порть маме налаженную жизнь. Ане то...

Иногда мне кажется, что причинение боли – главная задача моих близких.

* * *

Сурикат вчера тоже ознакомился с перлами Дочечки. Я думала, раз он панк, ему понравится. Да ни фигя подобного!

Тогда я ему дала прочитать мои стихи про Дочечку. Он же поэт, как ни крути!

– Клево, особенно про значок, – поэт снизошел до похвалы.

Он недолго думая тоже кое-что сочинил по-быстрому. Но получилось не для печати. Там что ни слово – цитата из откровений Дочечки.

– Сурикатик, как ты мыслишь, когда она (или он) спит? Или их несколько? Или это вообще чья-то злонамеренная фишка, чтоб обосрать эмо?

– Дык, – многозначительно выговорил Сурикат, добравшийся до открытой банки со сгущенкой.

Он, как зайдет в гости полтинник в долг попросить, каждый раз угощается. Такая неистребимая привычка. Правда, мне кажется негигиеничным кушать сгущенку таким способом. Засовывая палец в банку. Ведь порежется!

– А ты насри на эту Дочечку три кучи, – посоветовал Сурикат на прощание.

Просто сказать, сложно выполнить.

Если ты уязвим, то окружающие не могут удержаться, чтоб не сделать тебе больно.

Если ты уязвим, то боль воспринимается как закономерность. Но не стоит вставать на позицию принятия несправедливости.

Если ты уязвим, то стоит попробовать бороться.

Дочечки резвятся, когда никто не может дать им по морде. Очевидный минус интернета.

Уязвимость эмо иногда играет с ними злую шутку. Они начинают прикрываться всякими банальностями. Это очень заметно во время флейма. Всякие Дочечки оказываются безнаказанными.

Этот кто-то матерящийся обнаруживается в комментариях к вашим драгоценным фоткам. Он резво атакует ваши вопросы матерными ответами, и в чем-то он прав. На глупый вопрос получи фашист гранату. Кроме того, если он имеет право быть собой – то не исключено, что для него мат и есть единственно возможная форма общения.

И все равно противно, когда человек решается впервые выставить свою рожу на всеобщее обозрение, а его невероятно срочно посылают на...

Правда, никто не мешает вам послать его в ответ. Но мне лично кажется, что надо за матюги без повода приговаривать к пожизненному бану без предупреждения.

Самоуверенных эмо не бывает. Если ты на все сто убежден в своей правоте, ты не эмо. Это я себе на заметку. Раз на все сто не уверена, лучше не делать выводов, пускай даже в отношении Дочечки.

* * *

Когда я подросла и стала не такая как заказывали, мама радоваться перестала. Ее бесило во мне все. Даже моя внешность, хотя я так и не покрасила волосы. Может, она не так бы занудствовала, если бы не постоянные упреки директрисы, которая по совместительству тетка. Ту хлебом не корми – только дай повод повоспитывать.

Мама перед ней робеет. И от этого срывает зло на мне.

Она вся какая-то ровная. Как злобный робот. Занятый выполнением мелких скучных обязанностей. Она от всего отгораживается такой миленькой, как ей самой кажется, улыб-

кой. Она уверена, что моложе выглядит, когда улыбается. Мол, у нее такая располагающая улыбка. Сейчас вообще считается необходимым скалить дорожные протезы по любому поводу. Вот мама и лыбится, хотя ей это вовсе не идет. Таскается с вытаращенными зубами, словно с фестивальным флажком. Улыбаться надо, когда повод есть. Что просто так скалится? То же самое, что плакать ради повышения коммуникабельности.

У Танго мамаша тоже чуть что улыбается. Как махнет стакан, спасайся кто может. Поулыбается, а потом драться лезет. Такая экспрессивная женщина, жуть. И мужиков меняет постоянно. Танго как-то признался, что в детстве он мечтал ее прибить. Непременно топором. По химической завивке. Но потом нашел во всем мамашинем безобразии один, но весомый плюс:

– Ее поведение прекрасно объясняет все мои заскоки. Прикинь, приходит участковый, она ему квашеной капустой на фуражку, а он потом меня еще и жалеет. Мол, несчастный ребенок, что ему приходится терпеть. А я и не терплю. Я привык.

С моей мамашей сложнее.

Впрочем, мне она давно не улыбается, только рожи корчит. Хмурые такие. С поджатыми в ниточку губами. Думает, что непременно надо выказывать свое неодобрение. А то вдруг я забуду, какая я нехорошая.

А я ведь даже не выступаю, как некоторые эмо. Так, немного совсем, если настроение подходящее. Ну, пару-тройку намеков на принадлежность к эмо. А то, что постоянно в черном, так я и до того, как узнала про эмо-культуру, так одевалась. Мне в принципе черный цвет нравится. В нем есть изначальный стиль. Кроме того, мое лицо как-то удачно с ним контрастирует.

– Слава богу, хоть волосы в черный не выкрасила, – глубокомысленно рассуждает мама.

И не буду. Они мне и такие нравятся. Хороший рыжий цвет. Который зимой становится почти каштановым, а летом выгорает до светло-золотистого.

– Челку подстриги, а то без зрения останешься, – а вот такие предостережения я слышу в сотый раз.

Чтоб мама так не убивалась, я демонстративно собрала челку в пучок и связала ее розовой резинкой.

– Так и будешь ходить? – всполошилась мама, которая уже усвоила, если я чего решила, непременно сделаю.

Сегодня у нее возникла охота позаниматься воспитанием:

– Стася, у тебя такое привлекательное лицо, а делаешь из себя черт-те что.

– И сбоку бантик, – поддержала я ее, поскольку челка вместе с резинкой благополучно съехали на сторону.

– И как такую тебя любить?

– Я же тебя люблю, – удивилась я. – Хоть ты в это и не веришь.

– Не верю. Если бы любила, то стала бы как все нормальные дети.

Иногда мне кажется, что мама не способна любить просто так. Ей нужно фундаментальное обоснование любви.

Любить за что-то – это тупо. Нужно любить просто так.

Мамина убежденность в моей ненормальности только окрепла после моей идиотской исповеди. Она как-то спросила, что со мной происходит. А я сдуру попыталась ей объяснить. Кто ж знал, что с ней нельзя откровенничать? Во-первых, она ни фиги не поняла, а во-вторых, из простых признаний сделала тупые упрощенные выводы. В том числе – о моей врожденной ущербности:

– Ты не моя дочь. Тебя подменили в роддоме.

А то! Такие идеи и мне порой приходили в голову.

– У тебя что, мальчик был? Надо было внимательнее смотреть, когда из роддома получала.

– Заткнись! Ты меня достала. И куда школа смотрит!

– Я тебя тоже очень люблю! Вот и поговорили по душам.

Иногда она обзывает меня уродкой, пугалом, клоуном, Гитлером, а когда совсем взъерепенится – специальным громким голосом рассказывает подругам по телефону, что я страшнее атомной войны. Что я отошала как дистрофик и скоро сыграю в ящик. Я не тощая. У меня нормальный сорок четвертый. А грудь даже великовата. Зато все остальное как надо. Особенно глаза. Не хуже, чем в японских мультиках. Ну, может, чуть поменьше. Зато, когда обведешь немного, самое то. Все, кто понимает, страшно завидуют.

* * *

А потом маме стало по барабану, отчего я мучаюсь и чей я ребенок, потому что она родила новую игрушку и ей стало до меня как до лампочки. Хотя если задуматься – до лампочки не так и далеко. Только руку протянуть.

– Ты, внучка, душу-то никому не раскрывай. Чем шире откроешь, тем скорее в нее плюнут, – наставляла меня бабушка.

А в душу не только плюют. Ее иногда выпивают.

– Не забывай, что ты самая лучшая на свете, – уверяла меня бабушка. – И не старайся выглядеть. Просто будь собой.

Иногда я забываю, что она умерла.

Я не хочу забывать, но порой мне кажется, что она так и сидит на лавке у дома. И я могу, когда захочу, подойти к ней, поцеловать ее в смятую щеку. А она похлопает рукой рядом, мол, присаживайся, поболтаем.

Мама, как до тебя достучаться? Ау! Перестань казаться кем-то выдуманным.

А вдруг она и вправду такая замороженная?

Теперь ее даже моя внешность не коробит. Будто я грязное пятно на обоях. Неприятно, но можно картиной прикрыть, чтоб в глаза не так бросалось. Меня «прикрыли» фразой «тупая как пробка». Раз тупая, значит, ничего не поделаешь. По-моему, маме даже нравится, что ее все жалеют из-за такой дочери. Она не оставляет попыток меня подмять, подчинить своей воле. А папа говорит «перебесится», «подрастет и станет как все».

А я не хочу как все! И не буду!

Однажды я купила джинсовый комбез для беременных, подложила под нагрудник розового медведя и так приперлась в школу. Медведь был крупный, но не слишком большой. Но морда у него была прикольная. Я так целый день проходила. Как кенгуру. Еле вытерпела. Знала бы, что от синтетики такой чих, ходила бы со старым, плюшевым. Ну и что с того, что у него глаза давно отвалились и лапы на соплях держатся. Зато он не аллергенный. Кстати, к платьям для беременных широкие галстуки самое то. Главное – с цветом не промахнуться.

* * *

У меня есть секрет. Точнее, не секрет, а собственный кодекс эмо. Не думайте, что я просто дурочка, начитавшаяся всякой муры про эмо-культуру и ее прелести. Которые, кстати, не так уж и применимы в отношении реальной российской действительности. Так вот, я долго думала и решила, что эмо – это не массовая мода, а значит, и не мода вовсе. Вывод – надо думать своей головой, что к чему, и не работать на публику. То есть переваривать информацию, а потом примерять на себя. Тьфу! Не примерять, а выбирать нужное... В общем, вы поняли.

Будь собой, но не забывай, что ты – эмо. Внешняя красивость не критерий оценки личности, хотя сейчас напропалую рекламируют стандартную усредненную красивость как самое важное. Только почему так много убожества?

У меня есть и другие принципы. Например – хамство не проявление эмоций, а невоспитанность. Однако иногда хамить просто необходимо. Хамство как возмездие и наказание вполне допустимая штука. Он тебе в глаз, а ты ему в рожу. Вы думаете, что эмо безвольные хлюпики? Да ни фигя подобного. Погодите немного, мы вам еще припомним ваши запреты. Дайте только время.

Эмо такие разные! И это так здорово!

У меня есть знакомая. Она от природы робкое существо. Для нее нахамить то же, что сигануть с самолета без парашюта. Она не в состоянии дать отпор продавщице, внагляк зажавшей сдачу.

У нее есть одна глобальная идея. На которой строится все ее мировоззрение. Она сама мне так сказала.

Итак, в ее понимании любовь на всю жизнь – самая главная мечта. Если мечта сбудется, то дальше жить незачем. Сбывшаяся мечта – это катастрофа. После нее не к чему стремиться. А значит, надо выбирать только безответную любовь. Тогда все правильно. Как в игровых автоматах. Там все знают, что проиграют.

Влюбилась, получила массу острейших эмоций. А потом все обострила до крайности, признавшись в своих чувствах объекту. Апофеоз. Ваша ставка бита!

Только надо быть жутко прозорливой в отношении психологии. Объект непременно должен соответствовать задуманному. Например, быть уже в кого-то влюбленным. Или – голубым. Или – влюбленным в какое-то хобби. Лучше, если он классный музыкант или скейтер. Главное, чтоб они действительно умели пользоваться тем, что с собой таскают. А то сейчас повадились носить по городу гитару или скейт для понта. А сами ни в зуб ногой. В общем, подойдут все, кому не до сопливой романтики, но непременно порядочные.

Тут возникает дилемма. Не исключена ошибка с объектом. Бандюки и козлистые гопники видны сразу. Но жертва ваших устремлений может оказаться ушибленным на всю голову и из ложной порядочности поиграть в ответные чувства. Или действительно все время был втайне в вас влюблен, только сказать боялся. Или он шизоид секса, и ему все равно с кем и какого пола. Лишь бы дали. А приличным человеком только умело прикидывался.

Когда мы познакомились, то я сразу решила, что она – эмо. Такая замечательная эмо-порода. Которая своим поведением показывает миру, что есть слабые ранимые люди, их просто необходимо защищать и жалеть.

Быть эмо – не способ защиты от окружающего нас зла. Но по мне лучше давать сдачи, если на меня нападают.

Танго сначала сильно увлекся этой девочкой, а потом долго извинялся и удрал.

– Встречаться с ней то же, что с младенцем. Я все время боюсь что-то не то сказать или нечаянно руку сломать...

– Ты что, ей руки выкручивал?

– Да нет, что ты такое несешь? Просто возьмешь за руку, а она такая махонькая, пальчики тоненькие, того и гляди повредишь. Я не педофил. Пускай сначала повзрослеет.

* * *

Последний раз меня садировали в присутствии толпы народа за проколотый язык. На операцию я решилась по нескольким причинам. Одной из которых была двойка за сочинение по литературе. Я честно написала про суть философии эмо. Как понимаю, так и написала. Даже с интернета почти ничего не тырила. Старалась быть максимально искренней. А

училка сказала, что русский – на пять, а содержание не соответствует теме. Кстати, два и пять получается отметка на три с половиной или на четыре с минусом, а вклеили двойку. Несправедливо! Особенно когда твои мысли цитируют мерзким тоном на потеху всему классу. И они еще удивляются, что я так переживаю. А кто бы не стал?

Я взяла и проколола язык, чтоб хоть как-то скрасить негатив. Другая причина отважного похода к дыроколу заключалась в том, что железка во рту помогает чаще ощущать себя живой. Когда что-то мешает, то мы неосознанно обращаем на себя внимание. И более чутко воспринимаем действительность. Если у вас есть здоровые ноги, то вы про них вспоминаете только тогда, когда в ботинок попадает камушек или новая обувь натирает мозоль. Кроме того, пирсинг языка намекает на возможность промолчать, когда говорить не следует. И еще, прикольно шокировать консервативных мещан. Они так забавно говорят «фу».

Но все-таки, как ни крути, двойка стала спусковым крючком для языковредительства.

Получается, что из-за этой поганой двойки я потом долго не могла говорить. У меня, оказывается, не то аллергия, не то инфекцию занесли, не то я сама инфекция.

Язык был как арбуз и не помещался во рту. И слюни постоянно текли, как у дога в жару.

– Кроссовок съел, а изо рта шнурки торчат, – неумно пошутил выдающийся отличник Смирнов, цитируя какой-то древний анекдот.

И вовсе они не текли, я платком все время вытиралась. Но изо рта пахло как-то нехорошо, это факт. Если бы было с кем целоваться, то хорошего мало.

Мамаша грозилась найти дырокола и сдать его правоохранительным органам за причинение вреда ребенку. Но я успела убрать железо, и она уgomонилась. Мучения зазря. Гадость есть, а красоты никакой.

А Смирнов вообще-то ничего, хоть и полный ботаник. Он никогда никого не осуждает и, если есть за что похвалить, – хвалит. Хотя мне от его одобрения ни тепло ни холодно.

– Я не хвалю, я так комплименты делаю, – огрызнулся Смирнов, когда я ему все это высказала.

– Ну и пень ты, Смирник. Комплимент – это когда привирают для поднятия настроения. Ну скажи, что у меня классная прическа?

Посмотрел угрюмо и молчит, гад.

– Ладно, проехали. А глаза красивые? – Если еще раз промолчит, врежу по его умной башке учебником. Или язык покажу, чтоб в обморок грохнулся.

– Глаза очень красивые, – быстро соглашается догадливый Смирнов. – Яркие. Синие с зеленым. И ресницы очень густые. И длинные. Почти как у меня.

– Поздравляю тебя с первым комплиментом в жизни. Сходи в столовку, скушай пирожок.

– Я ничего не привирал, – признается Смирник.

– И зря. Тех, кто привирает, все любят. Запомни, пригодится.

– Спасибо, – поблагодарил этот смешной дятел и глубоко задумался.

Наверное, у него девушка появилась. Хотя представить себе эту особь я не в состоянии. Но если появилась, мои рекомендации ему точно пригодятся.

– И не стригись ты так коротко, – расщедрилась я на умные советы.

– Глаза у тебя действительно красивые, а про прически лучше говорить не будем, – ни с того ни с сего обозлился Смирнов.

Точно, девушку завел. И это правильно. Просто замечательно! Она скрасит его отравленные учебной будни. И они станут ходить, взявшись за руки, сидеть на заднем ряду в кино, есть мороженое в кафе.

А потом он ее бросит.

Потому что она – дура. Только дура может связаться с таким неблагодарным типом, как Смирнов. Надо же – я ему правильные советы раздаю, а он ничего приятного про мою прическу сказать не может.

А потом начался тайфун.

* * *

Директриса сразу после последнего урока ворвалась в наш класс гнобить меня перед всеми. В присутствии моих скукоженных родичей. Отстой заключался в том, что все заранее знали результат этого спектакля.

Придурки. И я в том числе, надо было свалить по-тихому с последнего урока. Теперь придется выслушивать всякую муру.

Где-то после проникновенного «как тебе не совестно!» по непонятным причинам мне вдруг дали слово. Как преступнику перед вынесением страшного окончательного приговора.

– Как можно оскорблять человека за то, что он сам распоряжается своим имуществом? Это мое тело. Пожалуй, оно единственное, что по-настоящему мое. У меня своего больше ничего и нет. Нет! – спохватилась я. – У меня есть еще и моя жизнь. Хоть и говорят, что родители подарили. Но подаренное не передаривают, правда? Значит, жизнь тоже моя собственность. Вот. Понимаете, я тоже на что-то имею право. И волосы тоже мои. И время – мое. Когда я его трачу на такие вот собрания, то мое время потрачено впустую. А главное – я не собираюсь жить как вы. Я не аксессуар, который должен по фасону гармонировать с родителями.

Последняя фраза прозвучала слишком неуверенно. Да и остальное, по-честному, тоже полная мура. Надо было заранее подготовиться. А то, чует мое сердце, они меня так сейчас распинать начнут, что поводов поплакать будет предостаточно.

Директриса, хоть я ей и родная племянница, снисходительно улыбалась мне, как слабоумной, а глаза как иголка, которой кровь из пальца добывают. И эта самая иголка уже прицелилась в объект. То есть в меня. Я посмотрела на нее внимательнее и вдруг поняла, что она жутко смахивает на перекормленную раскрашенную жабу в лиловом турецком сарафане. И мне стало смешно. А вот смеяться не стоило. Жаба покрылась нездоровым багровым румянцем. Того гляди разлетится на тысячу кусков.

Чтоб скрыть смех, я принялась кашлять.

Вот было бы здорово, если б у меня оказался туберкулез. Страшная неизлечимая форма. От которой умирают долго и мучительно. Вообразив себя с этой страшной формой в придачу, я приложила скомканный платок к губам и посмотрела, нет ли на нем пятен крови. Кроме еле заметного отпечатка помады – ничего. Мне стало невероятно грустно. Не то от отсутствия болезни, не то от безысходности.

– Это форменное безобразие, – робко пролепетала училка по химии, заискивающе поглядывая в сторону директрисы.

– Покажи нам свой язык! – потребовала та, приподнимаясь над столом, как борец сумо перед атакой.

Я ж не их язык продырявила? Хотя, по-честному, надо бы. И не иглой, а из гранатомета. Чтоб думали, что говорят.

Немного подумав, я решила не показывать. Из принципа.

– Государство доверило нам воспитание подрастающего поколения. А некоторые несознательные подростки считают себя умнее других. Вот скажи, ты считаешь себя умнее нашего президента? – У физрука от тотальной преданности президенту слегка перекосило лицо.

Может у него зуб болит, у бедняжки? Или он действительно так обожает главу государства? Который, естественно, умнее меня и всех физруков на свете. Хотя я бы ни за какие блага не захотела работать на его месте. Президенты слишком на виду. А я страшно не люблю, когда нельзя хоть на время спрятаться. Кроме того, президенты обязаны быть как японцы. У них правило такое, что б ни случилось, надо непременно сохранить лицо. То есть – эмоции на фиг. Может, они потом дома отрываются? Вот бы с женой президента поговорить. Хотя, наверное, президентов никто не обижает. Боятся. Но уж повеселиться-то ему никто не запрещает. Наверняка веселится, когда повод есть.

– Отвечай, когда спрашивают, – рявкнул физрук.

– Откуда мне знать, – нечаянно вырвалось у меня.

У физрука на меня зуб. Не тот, который болит, а гораздо хуже. Он страшно обожает играть в волейбол и уверен, что все только и мечтают кидаться друг в друга тяжелыми круглыми предметами. А я – нет. Потому что меня всегда пытаются приложить мячом по лицу. И иногда попадают. Я по какой-то странной причине не могу отбить мяч, летящий в лицо. Столбняк нападает.

Когда я в очередной раз отказалась участвовать в баллистических сражениях, он выстроил весь класс и сказал, что сейчас я буду делать переворот на брусках. Я ему сказала, что это вряд ли.

Все стояли и смотрели, что из этой затеи получится. На перекладину он меня подсадил, ногу помог перекинуть и говорит:

– Переворачивайся, я тебя придержу.

Я смотрю вниз, а там такие большие бруски железные. Ну, думаю, если не поймает, шее конец.

Так и вышло. Ни фига он меня не подхватил. Он меня в спину толкнул, я с брусков и накрунулась. Башкой об железки эти чертовы. Врачиха сказала, что я в рубашке родилась. А физруку выговор сделали, за то что он маты забыл положить. Фигня. Матерился он будьте-нате.

– Что, так дальше в молчанку играть будем? Или язык проглотила? – тонко пошутил физрук.

– Я с президентом лично не знакома. Откуда мне знать, кто умнее.

* * *

Тем временем одноклассники смирно и без всякого сочувствия выслушивали бешеный рев директрисы. Даже физрук скукожился, чтоб занимать как можно меньше места. Мои родители стали красные как вареные раки. А я прикидывала, как быстро зарастет прокол, если снова не вставить пирсинг. И еще, жутко мучилась от равнодушия моей единственной школьной подруги Аллы. Которая под воинственные клики директрисы чистила ногти. Ее на улице ждал взрослый парень, с которым она собиралась отправиться погулять, а тут такая долгоиграющая хрень. Теперь она будет злиться на меня, словно это я во все виновата.

Была бы я предателем, сказала бы, что у Алки на заднице тату. На левой половинке.

– Покажите свой зад! – заорала бы директриса. Класс! С Алки станется, такая может и показать.

Только потом ей придется навсегда сваливать из школы с разрисованной попой. А дома еще мамаша ей подретуширует. Ремнем.

Иногда мне кажется, что взросление как-то связано с отупением. Это как прогрессирующая болезнь с симптомом в виде отказа от простого сострадания. Почти все взрослые забыли, что когда-то были подростками. Они меня боятся. Потому что я – постоянное напо-

минание о том, что они тоже когда-то были ранимыми. Теперь на них выросла толстая кожа. Сквозь которую не пробиться нормальным чувствам.

Язык снова заболел, отчего я машинально скорчила рожу. Отец по моему виду решил, что я игнорирую замечания, и, не удержавшись в рамках приличия, отвесил мне демонстративную пощечину. Такую, что в голове воцарился полный вакуум. Естественно, я разрыдалась. Остановить такую истерику можно только при помощи ведра холодной воды. А тут еще мама принялась играть на публику, причитая надо мной как над протухшим покойником. Ненавидя ее в эту минуту не меньше директрисы, я захлебывалась слезами все больше. Особенно невыносимо стало, когда я представила свое обезображенное лицо.

– Стася! Девочка, пообещай, что больше так не будешь!

Показательные мероприятия, предназначенные для устрашения одноклассников, завершились в коридоре. Когда меня добила запретом лазить по интернету. Тогда у меня подкосились ноги. И я рухнула бы на дощатый пол, если бы не отец. Который одним махом подхватил меня под руку и аккуратно поволок вон из здания школы.

– Стася, да наплюй ты на нее. Орет, аж слюни летят. Дура она и не лечится. Просто тебе надо быть осторожнее. Вот скажи, откуда она узнала про язык? Болит? Ничего, до свадьбы заживет.

Все-таки ему стыдно за то, что приложил меня по лицу. А быть может, все намного проще? Папу злит директриса, которая недавно снова пригнала ему на ремонт свою тюкнутую машину? Она любит ремонтироваться на халяву, а теперь халява сама плывет в руки. Папа не дурак, он все прекрасно понимает, кроме моего поведения и внешнего вида. Я иногда думаю, что он тоже эмо. Особенно когда смотрит футбол. Футбольные фанаты все эмо на время матчей. Но настоящие эмо чаще всего на стороне проигравшего.

– Ну чего ей не хватает? – громким шепотом спрашивает отец у мамы вечером на кухне.

– Зажралась, – как обычно отвечает мама.

Ей теперь не до словоблудия. Ей надо готовить суп. Кроме того, Митька снова температурит.

Митька – это мой брат. Его хотели до меня. Поэтому загодя придумали имя. Но появилась девочка. Стася. Кому приятно жить с таким идиотским именем? Хотя я уже привыкла. Митьку тоже хотели назвать Стасом, но хоть тут сообразили, что это будет полный кретицизм.

– Интересно, какая падла Стасю заложила? – недоумевает папа. – У нас бы за такое кишки выпустили.

– Прекрати ругаться. За столько лет жизни с образованной женщиной мог бы и расширить свой лексикон, – пристыжает его мама, плотно закрывая дверь в кухню.

Теперь они начнут выяснять отношения. Кто образованнее, а кто деньги в дом несет. Если мама такая умная, то почему такая бедная?

Завернувшись с головой в ватное одеяло, я перебрала в памяти все детали публичного издевательства и снова расплакалась. Особенно когда вспомнила, что никто не сказал хоть слово в мою защиту. Даже взгляда доброжелательного не было. И меня это даже радует. На фиг мне сдалась их доброжелательность. Я заревела еще горше.

А потом я услышала, как голодная синица стучит клювом в мою форточку. И невероятно ей обрадовалась. Вот благодарное существо. За ежедневную горсть семечек уже садится мне на руку. Такое удивительное чувство, когда она смотрит на меня. Глазки махонькие, а умная – жуть. Надо бы придумать ей имя.

Назвав синицу Федей, я немного успокоилась. Федя – лучшее лекарство от недавних переживаний. И еще – музыка. Без нее я пропаду.

* * *

Когда я познакомилась с Аль, я сначала подумала – вот классная девчонка. А потом случайно выяснила, что про нее знают почти все эмо, которых я знаю. Аль самая старшая из всех моих подруг. Я больше никого не встречала лучше оснащенного в смысле гардероба. Она не бывает дважды одинаково одета. У нее столько выдумки в отношении эпатажных прикидов! Потому что она – единственная дочь своих небедных родителей. И у этих родителей, кроме денег, есть еще чувство юмора и уважение к дочери. Которая демонстративно делит день на две части. Днем – универ, вечером – эмо. Аль считает, что мир – сплошная борьба противоположностей. Утренняя Аль рыхлит почву для будущей карьеры. Вечерняя – отрывается на всю катушку. И помогает чем может любому, кто к ней обратится. Иногда носит на шее соску. И может флегматично оторвать кукле голову. А потом приделать обратно. Никогда не станет резать себе вены, но вас отговаривать не будет.

– Раньше, до эмо, у меня были серьезные проблемы, – откровенничает Аль. – Представляешь, я была шоппоголиком. Родители ничего не могли поделать с моими ежедневными набегами на бутики. Я покупала всякие милые безделушки, туфли, платья, чего я только не покупала! Когда складывать стало некуда, нафаршировала папин кабинет под потолок. Я не придумываю. Кстати, а какой у тебя размер обуви? Тридцать шестой? Жаль. Там еще восемь пар лодочек пылятся. А длинное платье со шлейфом тебе не надо?

Заметив сомнение на моем лице, она оживляется:

– Такое красивое. Их обычно надевает подружка невесты. Но вполне покатит и на выпускной бал. Соглашайся. Оно точно твоего размера. Все, решено, я тебе его завтра заброшу. Туфли тоже, может, кому сбавишь. У вас квартира большая? Нет? Все никак не могу найти прибежище для коллекции мишек. Не дом, а медвежатник. Их, гаденышей, еще и пылесосить надо. А украшения ты носишь? Вижу, что носишь. Ты не думай, там ничего такого, золота и брильянтов нет. Но они очень даже симпатичные.

В этом вся она. Ей просто жизненно необходимо вас одарить. Или просто помочь. Живет по принципу: видишь кошку, дай ей рыбу. А не станет кушать, «наверное, у нее животик болит!» Аль несколько раз таскала ничейных собак и котов в ветеринарку на предмет разблужения. А уж если кто из хвостатых под машину попадет – весь город на уши поднимет, но страдальца вылечит. А потом еще и в хорошие руки отдаст.

– А что папа сказал, когда домой вернулся? Ну, я про то, как ты его кабинет заселила шмотками?

– Он очень удивился. Прокопал проход до своего рабочего стола. А потом показал меня психологине. Она долго со мной возилась и заявила, мол, у вашей девочки явный недостаток положительных эмоций. Я просто обалдела! Вот, думаю, стерва, денег на мне заработала по-легкому, а теперь родителям лапшицу на уши развешивает.

Аль бросает мимолетный взгляд на экран мобильного, проверяя, кто звонит и стоит ли отвечать. Быстро говорит «да!» и продолжает свое повествование.

– Предки заохали, пригорюнились, думают, чем бы ребенка еще порадовать. А придумать нечего. Все есть. Так много, что лишнего больше, чем необходимого. А я когда перестала на врача злиться, то решила, что она права. Я ведь жутко балованная, сама знаю. Вот и получилось, что со временем добывать эти самые положительные эмоции стало сложнее. Как-то все притупилось. Остроты нет, значит, и не эмоции вовсе.

– И как ты выкрутилась?

– Просто. Раз в неделю – экстрим. Причем необязательно дорогостоящий. Хотя самолетом рулила, с парашютом прыгала, только на лошадь забраться до сих пор не могу. Боюсь.

Я где-то прочитала, что они иногда вылушивают зубами коленные чашечки у седока. Лошадь я оставила напоследок.

– Лет в сто попробуешь.

– Точно, тогда будет плевать на колени.

– Получается, что ты теперь на экстрим подсела?

– Ни на что я не подсела. Я научилась находить эмоции во всем. Даже там, где их никто не найдет, – Аль смеется.

Жаль, что она не стала дальше развивать тему. Было интересно.

Аль – от «альтруист». Или – от «Альбина». Ее так зовут. С Аль всегда весело. Она умеет находить веселое даже в самых кошмарных жизненных ситуациях. Этакий черный юморист. И еще она не делит людей на знакомых и не знакомых. Всегда кажется, что она именно вам рада больше всего. Из-за этого качества к ней липнут потенциальные лесбиянки. Влюбляются в нее. Говорят, она не против. Но Аль не лесби. Она вполне даже наоборот. У нее есть бой-френд. Который живет в Англии. Мне кажется, среди настоящих эмо нет лесбиянок. Просто случаются лесбиянки, которым кажется, что они – эмо.

Аль – такая порода эмо. Которая предпочитает только положительные эмоции.

Быть может, у нее не бывает отрицательных? Хотя она сама призналась, что лошадей боится. Я иногда представляю, как она в столетний день рождения решительно приближается к огромной зубастой лошади. Которая так и норовит вкусить артритного колена.

Я попрощалась и пошла в зоопарк. Просто так. На зверей посмотреть. Особенно на сов. Я их просто обожаю. Совы супер, совы как надо. Часами можно смотреть на сов и на Зверева. Они такие нереально офигительные.

* * *

Тем временем Аль, сияя от удовольствия, паковала для меня подарки.

А моя мама попыталась понять, почему я так ее раздражаю, не поняла, плюнула и отправилась драить унитаз. Отчего возненавидела наши задницы и весь мир в целом.

Парень, который меня бросил, пришел к выводу, что я была недостойна его щедрых подарков. Ему не хотелось тратиться на презент новой девушке. Сегодня подаришь, а она подумает и не даст. Опять деньги на ветер. Трах утром, подарки вечером. И никак не иначе!

Танго с Сурикатом сходили на концерт, где наорались до хрипоты, решили пройтись до метро пешочком, напоролась на гопников, бились с ними и растерзанные, но с чувством не напрасно прожитого дня, побрели домой.

Смирнику девушка впервые позволила дотронуться до своей руки, отчего его прошиб холодный пот и так заколотилось сердце, что он испугался немедленного инфаркта.

Наша директриса валялась в салоне красоты, скованная маской, и снова надеялась на омоложение. Она вспомнила, как ее в детстве чморили в школе, и подумала, что история движется по спирали. Что реабилитирует ее хорошую. После чего рявкнула на нерадивую службу. Потом снова расслабилась, отчего пукнула звучно и протяжно.

Синица Федя обнаружил на себе блоху и блаженно вычесывал ее тощей когтастой лапкой. Блоха улепетывала по сложной траектории, стремясь укрыться в районе хвоста.

Что делала Дочечка, не ведомо никому.

* * *

Федя куда-то запропастился. Наверное, изменил мне с другой форточкой, где семечки жирнее. Проще сдохнуть, но жизнь как-то продолжалась. Осталась музыка. Хоть небольшое, но утешение.

Митька травил меня почище школы, в которую я почти не хожу. Не то чтобы из протеста, просто надоело. Вчера он добрался до моей косметики, измазал себе лицо, а в сумочку вылил три бутылочки лака для ногтей. Хотя, может, и не выливал, а просто забыл закрыть, а они сами вылились. Но это без разницы.

Из-за таких мелочей я расстраиваться не буду. Еще он изрисовал фломастерами мои любимые кеды. Черт меня дернул научить его крестикам-ноликам. Это действительно катастрофа. Достойно заменить кеды пока нечем. Придется снова кланяться денег у папы.

– Не страдай, – насмешливо блестя глазами, успокоил меня папа: – Давай по-честному. Если бы я от вас ушел, то платил бы алименты. Правильно?

– У тебя другая женщина? – испугалась я, представив папу с высокой сногшибательной красоткой.

– Да нет. Это я так. Гипотетически. Так вот. Я буду тебе отстегивать четверть от халтуры. Идет?

– А это сколько?

– Вот дети пошли. Я ей двадцать пять процентов предлагаю за так, а она... Какие вы все меркантильные. Да не волнуйся. На тряпки хватит. Только, чур, матери не говорить. Она про халтуру не все знает. Я надеюсь, тебе не придет в голову покупать какую-нибудь дрянь типа пива? Ну и отлично.

– Спасибо, – протягивая руку за купюрами, поблагодарила я.

– Ты бы это. Того, поосторожнее. У меня тоже в школе были проблемы.

– И с милицией, – подсказала я.

– Было дело. Ты, наверное, в меня пошла. Строем ходить не любишь. Речевки кричать. В общем, будь поосторожнее в школе, – повторил он, думая о чем то своем.

Папа у меня – высший класс. Только слишком старается не раздражать маму. Сначала я думала, что он ее любит, а потом поняла, что это больше как дружба. Или привычка. Или ему близко до работы и гараж рядом.

Он прекрасно знает, что мама немного спесивая. Да и не слишком умная, если честно. Она преуспела только в одном: как приноровиться к обстановке на работе и не слишком себя утруждать размышлениями. Нет, она о чем-то постоянно думает. Например, как накопить денег на новую шубу. Чтоб не хуже, чем у сестры. Только ей всю жизнь на нее придется крохоборить.

– Слушай, – вдруг оживляется папа, – у нас в классе был пацан. Его постоянно все обижали, а он разъярялся до сумасшествия. Но так и ходил за обидчиками. По-моему, твои эмо точно такие.

Своим умозаключением он поставил меня в тупик.

– Козел отпущения, что ли? – догадалась я. – Так это совсем другое. У нас в классе тоже такой был. Даже два. Он и она. Но они никогда не захотят стать эмо. Они – жертвы.

– А помнишь, мы книжку в детстве читали? Про медведя. Толстого. Как его звали, заразу?

– Винни-Пух, – подсказала я.

– Там еще осел был такой. Иа-Иа. Он случаем на эмо не похож?

– Копытами? – Я уже начала злиться. – Нет, папа. Иа-Иа больше смахивает на гота. Он вечно ноет и не видит никакого счастья в жизни.

Папа хотел возразить, что и я слишком часто ною, да и в остальном есть что-то до боли знакомое. Пока он не развил свою идею, я решила уточнить границы своего мировоззрения:

– Я и радуюсь от души.

– Тогда эмо – Пятачок. Он такой непосредственный и все время то переживает, то радуется.

– И еще он розовый, – мрачно согласилась я. – А вы все – Кролики и Совы. Хотя нет. Совы славные.

С кроликами я переборщила. У папы появилось особенное выражение лица, говорящее о том, что про кроликов у него имеется свое особенное, не слишком приличное мнение.

– В книжке заумный Кролик всех поучает. Там еще Тигра был. Он намного веселее и не шифруется. Тигра, наверное, – панк.

– Ладно, фиг с ними, – успокоился папа, посчитав, что ловко провел воспитательную беседу. – Только в школе ухо не завешивай, а то без аттестата останешься.

Зря он беспокоится. Они все равно дадут мне доучиться. Но предупреждают, что следующая выходка будет стоить мне свободы. Все психушкой пугают. Ага. Разбежались. Для тетки это будет полное дерьмо. У нее школа образцово-показательная. Отстойно-наказательная. Тетка делает из нас инкубаторских близнецов. Которые словно роботы беспрекословно барабанят ответы у доски и не мутят воду.

Все должны быть одинаковые, такие серенькие убогие мыши, с убогим мышиним мышлением, а потом, если повезет, они станут успешными мышами на хороших должностях. Кстати, неужели совы питаются живыми мышами? Надо выяснить. Как же я их любить стану, если они такие кровожадные?

Я знаю, в чем соль ненависти ко мне. Я вовсе не депрессивная, просто не умею веселиться по указке. У нас вообще не любят грустных людей. Если тебе грустно, значит, больной. Впрочем, в школе и веселых не любят. Им нравятся никакие.

С первого класса всем было доподлинно известно, кто получит медаль, кто выиграет олимпиаду, кто будет продвинутым спортсменом. Тетка еще с детсада сортирует нас по родителям. Мы все сидим по самое некуда в этом дерьме и еще должны улыбаться, изображая счастливое детство.

Щас!

* * *

– Стася. Я тебе сегодня такую кофточку купила, – мама просачивается на мою территорию с пакетом в руках.

Даже не знаю, как не взвыть при виде обновки. Кошмарное ярко-синее с отливом. И эти чудовищные оборочки. Мама настоятельно требует примерку. Я отбиваюсь как могу, начиная входить в состояние иступления от отвращения.

– Примерь, что тебе, трудно, что ли, – подбадривает папа, выложивший энную сумму денег за конкретное дерьмо.

– Ах, какая ты у нас красавица, – неуверенно лепечет мама, театрально отступая на шаг.

Это ее цвет и ее фасон. Разве что размер мой. Но носить эту гадость я не стану ни за какие коврижки. На такие случаи Бог специально придумал младших братьев. Которых ради такого случая можно и покормить. А потом никакая стиралка не спасет.

Иногда мне кажется, что маме противопоказано иметь детей. Она просто не понимает, как с ними обращаться. Нет, она, конечно, в курсе, с какой стороны кормить, а откуда ожидать отходов производства. Но в остальном полный вакуум.

Временами я специально надеваю на себя купленные мамой гламурненькие шмотки, чтоб почувствовать себя полностью несчастной. Веселенькое платье и несчастная я в нем. Идешь по улице, мучаясь от несоответствия себя и одежды для пластмассовой Барби. Ощущения более тонкие, чем от обычного скандала с учителями.

Потом мне эта затея показалась глупой, и я стала придерживаться выбранного стиля. Без перебора, но чтоб сразу было ясно, кто есть кто. У меня есть тайна. Она касается и одежды в том числе. Я считаю, что, пока есть эмо, которые своим видом шокируют обывателей, в мире не все потеряно. Я тоже своей внешностью вношу посильный вклад в спасение человечества от высыхания души. Ведь когда нет эмоций, нет ничего. Взять, к примеру, веру. Любую. Кто похвастает, что лично видел Бога? Про Бога знать нельзя, его можно только почувствовать. И он точно в курсе, когда человек горюет или радуется. Если он не прикидывается, как некоторые. Наверное, я должна стать верующей. Только вот незадача. Никак не могу стать религиозной. Вера – это здорово, это по-настоящему. А религия – это куча правил и тоска зеленая, как в школе.

– Бог все видит, – угрожала моя бабушка.

Вот пусть полюбуется, как надо мной все издеваются. Хотя он хороший, вон сколько всего наприду-мывал. Главное, чтоб он нас не разлюбил за всякие плохие поступки. Я даже не курю и не выпиваю.

Я пока даже сексом не занималась. Жду. Как только почувствую, что вот моя самая настоящая любовь, тогда можно. А просто так что-то не охота.

* * *

Какой-то прилизанный молодой выюноша, породы офисных клерков, притаранил мне огромную картонную коробку от Аль. «Получите-распишитесь». Приветливость лица дисгармонировала с усталыми интонациями. Знаю я таких, вечно усталых, словно замученных нелегкой судьбой. Как только устроятся на престижную работу, так сразу цепляют маску недооцененного труженика. А сами только и ждут удобного случая, чтоб забраться на ступеньку повыше.

– Это что у нас тут такое? – зевая во весь рот, спросила мама. – Новый год вроде как прошел.

Я раскрыла створки коробки и заглянула вовнутрь.

«Носи и радуйся. Аль».

– Какое божественное платье, – мама проснулась окончательно.

Я стояла, держа в руках упакованное в прозрачный полиэтилен длинное резедовое чудо на симпатичной вешалке.

– Примерь!

Нежная материя струилась по моему голому телу. Вызывая бездну эмоций. Самой яркой из которых было «Вау!».

– Туфли! Оно без каблука не смотрится!

– Они не моего размера.

– Сейчас принесу свои.

Пока она копалась в кладовке, грохоча вываливающейся обувью, я открыла первую попавшуюся коробку и сунула ноги в изящные лодочки на размер больше.

– Ты себя видела? – взбудораженная мама потащила меня за руку в свою спальню, где было единственное в квартире огромное зеркало.

– Ого! – Папа высунул лицо из-под одеяла. – Какое прекрасное пробуждение. Фея, вы исполняете желания? Мне срочно надо новую машину и чемодан денег. И очки, чтоб получше тебя рассмотреть.

Какая я, оказывается, красивая. Но в одном Аль ошиблась. Невеста, завидя свидетельницу в таком платье, немедленно выпарапает ей глаза. А жених раздумает расписываться под приговором.

Тонкие ляточки плавно переходили в просторное декольте. Обнаженная спина требовала смелой осанки. Все что надо, подчеркивалось, все что стоит показать, было открыто, а при движении ткань начинала играть продуманными складками. Отчего идти было почти весело.

– Митька! Беги сюда! Стася стала принцессой! Заспанный Митька проковылял к нам, добрался до кровати и юркнул к папе под одеяло.

– Спит, – довольным голосом сообщил папа.

– Надо тебя сфотографировать! – Несмотря на мои протесты мама уже ринулась за фотоаппаратом.

– Я же ненакрашенная! Я же непричесанная!

– Вот. Замри! Теперь у тебя будет снимок, который хоть в журнал посылай!

– Стася жениться будет? – невнятно пробурчал Митька, высовывая мордочку рядом с папиным лицом.

– Замуж выходить! Тьфу. Что ты несешь? Она, наверное, в этом платье сможет пойти на выпускной.

– Да вы что, сговорились, что ли? – Довольная улыбка не сходила с моего лица, когда я шла переодеваться.

Туфли никому не отдам. Если нога больше не вырастет, я все равно придумаю, как приноровиться их носить.

Сзади юбка была хитро собрана под пряжку, а подол действительно заканчивался шлейфом.

– Хвост подрежем, а то на него непременно кто-то наступит, – прокричала мне вслед мама.

– Себе отрежь, – тихо прошептала я.

По случаю воскресенья я вволю порылась в коробке. Разложила на одеяле коллекцию украшений.

Налюбовалась ими вдоволь и позвала маму:

– Погляди, вот эта цепочка с подвеской и вот эта брошка словно для тебя. Забирай. Мне они не по возрасту.

Прижав подаренное к груди, мама зорко осмотрела оставшееся. Ее взгляд остановился на кулоне в виде цветочной ветки.

– И его забирай.

– А откуда это все у тебя? И что за парень привез?

Пришлось прояснить ситуацию.

– Бедные родители. Дочка – шопоголик. Ужас. Я про таких в телевизоре видела. Страшное дело. А теперь она вылечилась? – с тайной надеждой на продолжение рога изобилия спросила мама.

– Ага. Теперь она – эмо. Но родители вовсе не бедные...

– Это я уже поняла, – обиделась мама, поняв, что новых коробок не предвидится.

– Мама, а папа теперь король? – спросил Митька.

– Ага, только голый. А почему, собственно, король?

– Раз Стася принцесса, папа должен быть король, – терпеливо разъяснил Митька.

– А я – королева?

– Нет. У тебя и короны нет, – нелогично ответил мой брат.

После завтрака из жареной картошки с сосисками я всерьез настроилась выложить в интернете свое фото в новом платье. Но потом резко передумала. Меня просто заклюют. Особенно расстарается «Дочечка», чтоб ее...

* * *

А потом я внезапно поняла, когда настанет черед этого платья! И как же я могла забыть? Ранний склероз хуже позднего сифилиса.

Итак. Будет лето. Надеюсь, без гнилых дождей.

Горожане побегут гурьбой вонять машинами и загаживать узкую полосу песчаного пляжа, утыканную толстыми соснами.

Тогда на залитом солнцем замусоренном пляже появляемся мы. Девушки в роскошных вечерних нарядах, мальчишки в прикольных костюмах. Которые почти целый день потратили на создание самых что ни на есть эмовских причесок. Ради такого случая и я не откажусь исключением.

Весь этот десант, не оставляющий сомнений в принадлежности к эмо, начнет триумфальное шествие. В такой день неважны внутренние разногласия. Всем найдется дело. Пусть даже ты разряжен, словно выдуманная картинка из интернета. Пусть даже узкие брюки не позволяют тебе наклониться, чтоб завязать шнурок. В этот день возможны все бзики фантазии. Это наш день, и мы отрываемся по полной программе.

Самая долгая и массовая фотосессия в году.

Главное, не забыть взять нитяные перчатки и большие полиэтиленовые мешки. Самым безразличным предоставляют что-то навроде копыя. Чтоб руки не марали и носы не морщили.

Итак, вообразите себе картину. Машины. Поблизости от них группы пожирателей шашлыка вытирают жирные руки и сыто оглядываются на открывающийся пейзаж.

С одной стороны – мелкая вода, на самом горизонте важно чапают еле заметные корабли. Словно миражи. Непременно в поле зрения виднеются несколько резиновых лодок с согбенными неподвижными рыбаками.

Небо со стороны города никогда не может похвастаться синими оттенками.

С другой стороны – дорога, огороженная полосой из сосен. За дорогой чуть-чуть леса и рельсы. По которым иногда носятся звонкие электрички и грохочущие поезда.

Зашибись место для общения с природой.

Мимо жрущего сообщества проносятся плотные вереницы машин. Насыщая прозрачный воздух плотной пеленой выхлопных газов. Изредка одна из них ныряет на ухабистую дорожку и пытается вклиниться на освободившееся место. После чего из нее выбираются новые пожиратели горелого мяса. Они, потягиваясь и разминаясь, спускаются к воде. И делают вид, что им фиолетово от пристальных взглядов тех, кто уже с утра разминается на лоне клочка природы.

Итак, они только что пожрали и успели раздобреть. Они уже накидали себе прямо под ноги всяких сальных бумажек и прочей нечестии. Им сытно и лениво.

И тут появляется дивная процессия. Эмо преодолевают барьер безразличности. Эмо не смущены присутствием нерях. Эмо шествуют как королевская свита без короля. И планомерно складывают мусор в пакеты. Не отказывая себе в удовольствии бросить пару-тройку реплик особо наглым засирушкам. Порой случаются перепалки с облившейся гопотой. Но нас больше. И мы давно отрежиссировали надежный сценарий сопротивления на такие случаи. Хотя, если честно, до рукоприкладства до сих пор не доходило. Но если над нами

начинают издеваться словесно, девчонки окружают хама и начинают визжать хором. Этакое хоровое визжание. Оно же – скрим. Оглушительный, до рези в ушах. Пока никто не мог противостоять такому звуковому бреку.

К слову сказать, не знаю как взрослые, а дети точно в восторге от встречи с нами. Может, именно из-за этой акции про нас и ходят слухи, что мы пагубно воздействуем на неокрепшие умы.

Когда миссия выполнена, мы добирается до автобуса, предоставленного отцом Аль. Уже вечереет. Нас ждет костер и много вкусной еды. Тоже заслуга Аль, но мы честно заранее скидываемся, чтоб не выглядеть нахлебниками. Включена музыка. От воды воняет какой-то неправильной дрянью. Водитель автобуса смотрит на нас как на зоопарк, выпущенный на прогулку. Все жутко устали, но чувствуют себя почти счастливыми. Даже те, которые недавно пережили какую-то личную трагедию. Кто-то с кем-то знакомится, кто-то рассказывает новости, касающиеся только нас.

Это наш мир. И мы не собираемся им делиться.

Когда автобус привезет нас к метро, все исчезнут под землей. Чтоб удивлять своим необычным видом заморенных городом пассажиров.

Акция от и до придумана Вайпером. Пожалуй, самая полезная из его выдумок. Про остальные можно сказать только то, что они прикольные.

* * *

Иногда я пытаюсь сообразить, как так получилось, что в классе стали ко мне относиться как к изгою. Ведь мы были такие дружные. Когда не ругались.

Насколько я помню, в первых классах дело иногда доходило до кратковременных драк. Мальчишки то били Жаркову, потому что она была полная и здорово ярилась от насмешек. То издевались над Федотовым по той же причине. Иногда Ирка упражнялась в изобретении особо гнусных прозвищ. Которые прилипали намертво к несчастным жертвам. Так возникли Пончик, Жердй, Швабра, Чердак. Для меня почему-то клички не нашлось.

А когда мы незаметно подросли, я пришла первого сентября совсем новая. Даже стеснялась поначалу от избытка внимания и хихиканья со стороны недоброжелателей. Сначала в классе к моему увлечению отнеслись с интересом, я ободрилась их вниманием. Стала им как можно чаще рассказывать про идею эмо. Дорвалась до слушателя. Потом им стало скучно. Хотя почти все слазили в интернет просветиться. Некоторые срочно принялись отращивать челки и озадачились поисками приемлемого гардероба. Что не мешало им продолжать курить и поглощать пиво в немереных количествах.

Идея со значками понравилась всем без исключения. Скоро все одноклассники поголовно означки-лись. Приходишь поутру, и точно знаешь, у кого какое настроение. Или событие какое произошло в личной жизни. Практично. Федотов вооружился обоймой из уточнений типа «ненавижу алгебру». Поскольку он ненавидел все предметы, за исключением физры, значков было много. Федотов стал словно генералиссимус, награжденный всеми орденами. К «ненавижу» он присовокупил «достали все», «ухожу в монастырь», «жопа». Последний указатель появлялся ближе к контрольным и экзаменам.

Я такому псевдоземовскому коллективу была не слишком рада. Они приспособили флипы и слипы под сменную обувь. Кстати, учителя посчитали такую обувь приемлемой для школы. Я постоянно намекала на очевидный факт, что выглядеть как эмо не одно и то же, что ими быть. И они перестали меня приглашать на свои тусовки. А потом родители им напомнили про аттестат, и они стали обычные. Только Федотов продолжил хождение с арсеналом подсказок.

Некоторое время одноклассников развлекали мои эмоциональные всплески. Как будто я раньше другая была! Хотя потом ситуация здорово изменилась. В школе стали видеть во мне злой источник всех неприятностей. Особенно когда одна девочка старше меня на год и вовсе не эмо покончила с собой. Там какая-то гадость произошла с ее отцом. Девчонки шептались, что он ее по пьяни трахнул. Кто знает? Но теперь про эту девочку стали лепить легенду, что она была не только эмо, но и лесби. Тут уж явное вранье! Но ей теперь от этого ни холодно ни жарко. Зато на ее могиле всегда охапки цветов. И вовсе не от родителей. Я сама видела.

Кто-то пустил слух, что эмо занимаются сексом вовсе не с представителями противоположного пола. А таким слухам верят всего охотнее. Сейчас тема однополой любви хавется на «ура».

А потом у меня случилась настоящая депрессия. Что для настоящей эмо катастрофа. Человек не отличающий радости от горя не может быть эмо.

Тогда я нашла в кухонном ящике для столовых приборов самый тупой нож и пошла в свою комнату. Лезвие ножа отличалось неровными зазубринами. Немного ржавчины я аккуратно стерла полотенцем. Если резать кожу отточенным острым ножом, то в результате можно не только изгадить всю квартиру кровью, но и откинуть копыта. Навсегда.

Какое классное слово «навсегда». Почти такое же классное, как «никогда». В словах вообще страшно много эмоций. Особенно если произносить их с разными интонациями.

Отвернув рукав, я посмотрела, как поживает кожа на запястье. Остался тонкий красивый шрамик. Если приглядеться, то их там два. Как знак «равно». Я плюс нож равно шрам. Боль плюс я равно очищение.

При всем при том я вовсе не мазохистка. Нетушки, я не испытываю счастья от того, что меня кто-то мучает. Просто я мучаюсь на всю катушку, когда все остальные стараются сохранить лицо.

Провела указательным пальцем по нежной, фантастически идеальной коже руки. Как жаль портить такую красоту. Но депрессия полностью меня опустошила, не позволяя чувствовать ничего, кроме тупого равнодушия.

Иногда мне не хочется верить в хроническое безраздельное счастье, которое ждет меня буквально завтра. Счастье случается реже, чем хочется. Поэтому лучше напрасно не надеяться. А вот в неприятности верить можно сколько душе угодно. Они не заставляют себя ждать. Поэтому я пребываю с состоянием грусти. Грустить можно и по счастливым поводам. Потому что они такие короткие.

– Стася! Тебя к телефону! – Мой брат Митька топающим ураганом врывается ко мне в комнату.

На будущее надо привинтить задвижку и запирает дверь. Нож куда подождет под подушкой.

– Стася! Прикинь! У нас в классе будет новенький! У полковника гости! К нему племянника привезли! Говорят – наркоман! Красивый такой, таинственный, жуть! – Алкин голос вибрирует, словно ее сейчас стошнит.

– Кто говорит?

– Все. Из столицы просто так не привозят. Наверняка влип в какую-то историю, – я представляю, как у Алки морщится нос от любопытства.

– Ты его видела?

– Его никто пока не видел, – скрывая разочарование, признается Алла – она мне сто лет не звонила, а теперь не удержалась.

– Если никто не видел, то почему непременно красивый?

– Ты в школе завтра появишься? – уже более спокойным голосом спрашивает она.

Школа, чтоб она провалилась. Хотя ради такого случая разок сходить можно.

Вернулась в комнату. Раз наметила, надо доводить до конца. Без всякого воодушевления пропилила насквозь кожу неподалеку от локтя. Чтоб потом браслетом прикрыть можно было.

Посмотрела, как сочится кровь. Понюхала, как она пахнет. Что-то было в этом завораживающее.

Если кровь будет так стекать понемногу, то я вся вытеку. И перестану мешать им жить своей скучной бессмысленной жизнью. Всем станет проще и легче. Но если вся кровь вытечет, то это будет тоже неправильно. Покойники не страдают и не радуются. Хотя кто их знает?

Браслет, выпрошенный у бабушки, был привезен сто лет назад из Прибалтики. Серебряная металлическая сетка уже облезла, и теперь видна красноватая медь, в которой закреплены необработанные куски янтаря. Такого необычно плетения я больше ни у кого не видела. Как будто кто-то жутко умелый связал браслет крючком.

Депрессию как рукой сняло.

Предварительно забинтовав порез спертым у мамы бинтом, я надела браслет и твердо решила, что в следующий раз придумаю что-то поумнее. Например, долбану молотком по пальцу. Со всей дури. Стало совсем смешно. Я иногда веселая. Когда меня не обижают.

* * *

Вчера снова виделась с Катькой. Катька – та порода эмо, про которую выдумывают самые тупые басни. Она вся состоит из мрачных эмоций. Иногда я думаю, что внешне она смахивает на девочку из «Семейки Адамс». Надеюсь, все видели эту комедию? У Катьки мелкий рост, натуральная брюнетка с прямыми волосами, молочного-белое кукольное личико и огромные глазищи. Прибавьте к вышесказанному черный лак на ногтях, длинную челку и две тощие косички. Караул? Ничего подобного. Ей идет. Одета во все черное, иногда носит длинное «бесполое» платье, смахивающее на холщовый мешок из-под картошки.

Как ни странно, она действительно мрачная. Если Аль – хозяйка своей жизни, то Катька – жертва. Ей с детства внушили, что мир устроен по принципу – чем хуже, тем лучше. Кому лучше – хрен его знает, но не Катьке точно. Катька боится всего. Особенно – людей. Она им не доверяет. Доверишься – будешь страдать. Парадокс? Именно от этого она и страдает. Раз в день доверяется, чтоб потом целую неделю страдать без перерыва. И рассказывает всем по сто раз, как это произошло.

Ее любимое занятие состоит в чтении книг про жизнь животных. Наверное, с годами из нее получится классный ветеринар. Если она не станет залечивать зверушек до смерти. Но это – шутка.

Если вам захочется испортить себе настроение, поговорите с Катькой. Но не обижайтесь, когда она потом начнет рассказывать всем, как вы не оправдали ее доверия.

Мне Катька нравится своей последовательностью в мрачности. И я одна знаю ее тайну. Она надеется встретить человека, который полюбит ее такой, какая она есть.

Мне кажется, что это эпохальное событие не за горами. Вчера я заметила, как на нее поглядывает один кекс из наших. По-моему, он от нее в восторге. Я даже сказала ей об этом. Катька тут же оценила потенциального поклонника, что говорит о правильности моего предположения. Посмотрим, что получится.

* * *

– Смотрите, кто к нам пришел, – голосом гулящей кошки пропела наша главная красавица. Ирочка.

Издевается. Ну и пусть. Пусть показывает всем. Какая она тварь. Мне кажется, она мне иногда завидует. Ей прикид эмо пошел бы. Еще как бы пошел. Но кишка тонка рискнуть. Хотя бы ради фурора, который она произведет, придя в школу одетая как я. И на эмовскую прическу она никогда не решится.

Я сказала ей пару-тройку особенных комплементов, отдельно поздоровалась с дружественной частью населения и плюхнулась на свое место. Не стоит уточнять, что я сижу за столом одна?

Новенького пока не было в помине. Все тихо шебуршились, доставая тетради и обмениваясь сплетнями. Главная – кто такой новенький. Из всех слухов можно было быть уверенной только в одном. Его папаша – богатый Буратино. С чем его и поздравляем. Новенький будет жить у дяди, ментовского полковника. Про которого говорят, что он рулит всем районом.

Остальные домыслы не стоили выеденного яйца. Версия про наркотики ни на чем не базировалась, кроме желания некоторых приврать для создания видимости осведомленности.

– Знакомьтесь, дети, вот наш новый ученик, – слащаво прогнусила классная, пропуская высокого тощеватого мальчика в странном костюме. У моего отца был похожий. Когда они с мамой женились. И еще при галстук! Английский лорд зашел навестить своих преданных подданных. Ну, этот фрукт в нашей школе приживется. Это как пить дать. Директриса небось уже трясется от восторга. Наших мальчишек заставить нацепить галстук до сих пор удавалось только в дни инспекций и проверок начальства. И то под угрозой расстрела из миномета.

– Кирилл, – представили нам лорда.

Пара мальчиков демонстративно приподняла задницы и поклонилась высокому гостю. Главная красавица Ирочка прикрыла томные глаза и пропела свое фирменно «ну-ну», чтоб сразу привлечь внимание. А то вдруг ее ненароком не заметят.

– Папа Кирилла подарил школе новые компьютеры, – поделилась классная сногшибательной новостью.

– Крутизна, – ехидно отреагировали с задней парты.

Кирилл вместо того, чтобы засмущаться, еле заметно улыбнулся одними уголками рта. И ровным шагом промаршировал до моего места:

– Позвольте, – отодвинул стул и присел рядом со мной.

Хоть я и растерялась, надо было срочно как-то отреагировать. Я все-таки эмо, а не как все. Но ничего умного в голову не приходило. Пришлось уйти в себя и попробовать проанализировать, рада я или мне неприятно, что он тут пристроился. А, плевать. Я ведь не собираюсь на второй урок оставаться. По-улыбавшись просто так, на всякий случай, я вспомнила, что про эмо все думают, что они мрачные. Тогда я состроила самое мрачное лицо, какое сумела.

Новенький небрежно поправил галстук, а потом подумал, снял его, положив в карман. Неужели он не видит, куда сел?

Все явно или скрытно рассматривали новичка. А Ирка, та просто ела его глазами. Не обращая ни малейшего внимания на явные признаки беспокойства со стороны своей свиты. Которая уже поняла, что королева узрела новую игрушку и проявляет к ней повышенный

интерес. Как же! Папа богач, да еще из такого привлекательного города. Теперь нашим мальчишкам будет несладко. Особенно Гарику.

Он в Ирку давно влюблен, и она, естественно, об этом в курсе. Все в курсе. Только он думает, что никто не знает. Гарик неплохой, но никогда не стоит забывать, кто у него брат. А брат Гарика самый отстойный придурок, каких свет не видел. Он постоянно дерется. Как выпьет – так и дерется. Его все боятся. И правильно делают, потому что он не один.

У них целая свора. Объединенная количеством выпитого пива. Правда, теперь они все больше водку пьют. Так мне Алка сказала. А она это точно знает. У нее мамаша в магазине работает.

Иногда мне кажется, что признанная красавица приводит к гипертрофированному тщеславию. Кроме того, я уверена, что красота – штука относительная. В общем, на вкус и цвет товарищей нет. Вот мне лично кажется, что Алка гораздо красивее Ирки. Хотя есть еще пара девочек, которые очень даже ничего. Только они не орут про свои достоинства на каждом углу.

Незаметно поглядывая на Кирилла, я решила понять, красивый он или нет. Сложная задача. В принципе, лицо скорее располагающее. Но непроницаемое. Хоть тресни не догадаться, какие эмоции скрываются под этой пофигической маской.

Как ни странно, я благополучно дотерпела до конца уроков. Зато узнала, в каком потрясающем пальто ходит Кирилл. Длинное, до самой земли. Но не кожаное. Не то монах, не то не пойми кто. В этом дурацком пальто он уже не казался лордом. Когда за ним примчалась ментовская машина, то это выглядело совсем тупо. Будто он инвалид или преступник какой.

– На публику работает, – презрительно сплюнув, процедил Гарик, уставясь на Ирку.

Которая жевала алые накрашенные губы, что-то обдумывая. Наверное, тактику окучивания новенького разрабатывает.

– Какие вы все идиоты, – сообщила я и пошла домой.

Завернув по дороге в парк. Там скамейка такая есть. Под деревом. На ней в хорошую погоду можно посидеть и, нацепив наушники, создать нужное настроение. Чтоб было не так противно доживать вечер. Кроме того, мне надо было немного побыть одной и подумать.

* * *

Когда в голову поступает музыка, я невольно начинаю двигаться. Это не танец, просто мне так легче воспринимать. Сегодня было морозно, в отличие от вчерашней оттепели. Я слушала и надрывала себе душу каждым словом. Это было так прекрасно и словно я не я. Я – одна. Я – эмо. И я счастлива от этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.